

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.

ГЛАВА V ¹⁾.

Введеніе военнаго положенія.—Временныя правила.—Въ чемъ вырази-
лось военное положеніе.—Обиліе приказовъ.—Распредѣленіе войскъ.—
Районныя начальники.

6 августа Прибалтійскій край объявленъ былъ на военномъ положеніи. За нѣсколько еще дней о томъ намъ сообщилъ одинъ баронъ. На вопросъ, откуда онъ это знаетъ, онъ отвѣтилъ: „Старый графъ“ (стоявшій прежде у самаго кормила правленія) сильно разсердился и поѣхалъ хлопотать, и теперь есть отъ него извѣстіе, что военное положеніе будетъ у насъ введено 6 августа“. Говорили, что многіе изъ имѣвшихъ связи въ Петербургъ ѣздили туда хлопотать о томъ же.

Мы были въ имѣніи „Стараго графа“, вскорости послѣ бѣгства его оттуда. Батраки бастовали, держали себя угрожающе и дѣлали много непріятностей привыкшему къ слѣпому повиновенію высокому сановнику. Непріятности носили такой острый характеръ, что послѣдній дѣйствительно разсердился и вынужденъ былъ подъ охраною сильнаго эскорта казаковъ покинуть свое чудно устроенное имѣніе и великолѣпный дворецъ. И... „Богъ вѣсть, когда вернется“...

Временный курляндскій генералъ-губернаторъ, какъ въ такихъ случаяхъ принято, началъ свою дѣятельность съ того, что обнародовалъ „временныя правила“ на русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Въ нихъ онъ объявлялъ, что цѣль введенія военнаго положенія—подавленіе безпорядковъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1913 г.

„самыми строгими мѣрами съ невозможной скоростью“. Поэтому, писалось въ нихъ, и „мирное населеніе должно подвергнуться нѣкоторымъ стѣсненіямъ“.

Высказывая надежду, что каждый добрый житель подчинится имъ въ интересахъ общаго дѣла, генералъ-губернаторъ категорически заявлялъ, что это „мирное теченіе жизни и порядокъ“ онъ возстановитъ въ губерніи „съ безпощадною строгостью“.

Временныя правила воспрещали: всякаго рода собранія и сходки, „вторженіе“ въ чужіе дома, имѣть оружіе (къ декабрю населеніе уже было почти поголовно вооружено), ѣздить на велосипедахъ, охотиться, портить мосты, дороги, телеграфы и телефоны (въ послѣднемъ латыши особенно грѣшили), торговать послѣ 8 ч. вечера и т. д. Виновные въ нарушеніи „какого-либо изъ сихъ постановленій“ подвергались штрафу до 3-хъ тысячъ руб., или же заключенію въ тюрьмѣ до 3-хъ мѣсяцевъ.

Нѣкоторые пункты правилъ съ теченіемъ времени отмѣнялись; такъ, наприм., разрѣшена была охота. Въ приказѣ отъ 1 октября ген.-губернаторъ объявилъ: „убѣдившись изъ поступающихъ ко мнѣ донесеній въ минованіи надобности установленнаго обязательнымъ постановленіемъ моимъ отъ 12 авг. ограниченія о закрытіи всякаго рода торговыхъ заведеній въ 8 часовъ вечера и домовъ въ 9 часовъ, я съ 1 сего октября отмѣняю п. 13 и 14 вышеупомянутаго постановленія моего, о чемъ объявляю во всеобщее свѣдѣніе“.

Всѣ „стѣсненія“, объявленныя во времен. правилахъ, преслѣдовали, вѣроятно, цѣль умиротворенія края. Когда она начнетъ, молъ, достигаться, можно будетъ эти стѣсненія постепенно имъ смягчить, а то и совсѣмъ отмѣнить. Изъ приведеннаго приказа вытекаетъ, что по всей губерніи начало уже водворяться успокоеніе—„времен. правила“ возымѣли свое благотворное дѣйствіе.

Уѣздныя власти своими донесеніями объ этомъ поспѣшили порадовать генералъ-губернатора. А между тѣмъ именно съ октября движеніе среди латышей, какъ-бы поощряемое „стѣсненіями“, замѣтно начало шириться и обостряться. Къ 1-му декабря бывшія въ распоряженіи генералъ-губернатора и разбросанныя небольшими командами помывамъ войска уже были даже вынуждены очистить уѣзды. Правительство потеряло тогда за весьма малымъ исключеніемъ всѣ курляндскіе города, пока прибывшіе издалека карательные отряды буквально не отвоевали ихъ обратно.

Рѣдко обходился день безъ объявленія какого-либо приказа, приказанія. Долженствовавшіе ихъ исполнять въ конецъ запутались въ нихъ. Временныя правила призывали благонамѣренныхъ жителей „для своего же блага“ содѣйствовать властямъ въ водвореніи порядка „всѣми доступными каждому средствами“.

Увы! Мы спросили въ январѣ (1906 г.) одного достойнаго уваженія пастора, знавшаго отлично своихъ прихожанъ, много ли въ волости (приходъ его) этихъ благонамѣренныхъ... Не задумываясь, онъ отвѣтилъ:—„кромѣ глубокихъ стариковъ, человѣка четыре“.

Въ той же волости, по другому источнику—полиціи—благонамѣренныхъ числилось нѣсколько больше—12 человѣкъ. На сосѣднія двѣ волости указывали, какъ на еще болѣе крамольныя. Тогда же циркулировали слухи, исходящіе будто-бы изъ Митавскаго дворца, что эти волости рѣшено было цѣликомъ выселить въ Олонецкую губ., а на мѣсто ихъ водворить русскихъ крестьянъ. Но рѣшенія этого не исполнили—волости пощадили или по причинѣ нахождения въ нихъ нѣсколькихъ праведниковъ, или поколебалась увѣренность и въ русскихъ мужичкахъ.

Ген.-губернаторъ раздѣлилъ губернію на районы и по нимъ распредѣлилъ всѣ войска. Въ „Гольдингенскій районъ“ было назначено 5 ротъ и 2 эскадрона; въ районъ вошли уѣзды Газенпотскій и Гольдингенскій. Перетасовка частей, начавшаяся одновременно, объяснялась опасеніемъ долго оставлять въ одномъ мѣстѣ нижнихъ чиновъ—они могли „познакомиться съ жителями и подвергнуться пропагандѣ“. Такое перемѣщеніе предполагалось производить каждыя 2 недѣли. Но такъ и осталось предположеніемъ.

Въ пунктахъ своихъ новыхъ стоянокъ оставались уже мѣсяца по три, дѣйствительно подвергались разнымъ соблазнамъ, на это начальству указывалось, но обстоятельства уже не позволили производить перемѣщеній.

Въ чемъ же выразилось это военное положеніе? Собственно говоря, рѣшительно ни въ чемъ полезномъ для дѣла умиротворенія, если не говорить другого.

Въ районахъ, взаимно переплетаясь, функционировали двѣ власти—военная и полицейская, подчиненная первой и своему гражданскому губернатору. Этотъ порядокъ порождалъ только изрядную путаницу. Во главѣ района сталъ „начальникъ района“, старшій по чину изъ прибывшихъ съ войсками офице-

ровъ—генералъ, чаще полковникъ, а то и подполковникъ. Его снабдилъ громадными полномочіями и властью начальника дивизіи въ военное время. Онъ являлся высшимъ органомъ административно-полицейской власти двухъ уѣздовъ. Начальникъ района долженъ былъ доносить ген.-губернатору о всѣхъ происшествіяхъ, слѣдить за настроеніемъ умовъ, принимать мѣры для подавленія революціи, умиротворять край и пр. Для этого всего нужны извѣстныя способности, тактъ, опытность и, казалось бы, знаніе края, мѣстныхъ условій. Необходимость наличности всего этого особенно чувствовалось, когда, вслѣдствіе перерыва въ сообщеніяхъ, начальники районовъ надолго остались безъ руководства и изъ Митавы — и сдѣлались вполнѣ самостоятельными. Если кто-либо изъ „районныхъ“ и обладалъ вышеуказанными качествами, то это было дѣло случая, а неподбора подходящихъ лицъ. Впрочемъ, и въ губерніяхъ, объявляемымъ на военномъ положеніи, широкая власть ген.-губернатора ввѣряется у насъ обыкновенно старшему изъ военныхъ начальниковъ—командиру корпуса, дивизіи и ниже. Таковъ уже порядокъ, сплошь да рядомъ приносящій отрицательные результаты. Примѣры у всѣхъ на глазахъ. Офицеры Генеральнаго Штаба по роковой ошибкѣ считаются способными и подготовленными къ занятію должностей, ничего общаго не имѣющихъ съ военнымъ искусствомъ, — которое они только изучаютъ въ академіи. И на какихъ только должностяхъ ихъ не было! — Хотя, конечно, это люди просвѣщенные, профильтрированная квинтъ-эссенція нашего офицерскаго состава. Но вотъ какой-нибудь армейскій штабъ-офицеръ, лѣтъ 35 тянувшій ляжку въ строю! Чтобы сдѣлаться офицеромъ, въ его время можно было обладать весьма и весьма скромными познаніями, въ родѣ, напр., четырехъ правилъ ариѳметики и соотвѣтствующими по другимъ двумъ — тремъ предметамъ. Курсъ прежнихъ юнкерскихъ школъ былъ ниже теперешнихъ приходскихъ училищъ. Покончивъ иногда съ великимъ трудомъ и такое образованіе, офицеръ, „проходя службу“, благополучно забывалъ постигнутое. Въ полкахъ были и окончившіе военныя училища — тѣ пользовались преимуществами и далеко обыкновенно уходили впередъ. Изъ окружныхъ школъ только обладавшіе необыкновеннымъ терпѣніемъ достигали чина подполковника, считавшагося апогеемъ ихъ земного величія. Иногда они попадаютъ въ полковники, но случайно, рѣдко. Такимъ счастливецомъ былъ и нашъ районный. Пожадовали его, такъ сказать, циркулярно — (по одному на дивизию

вію) — по случаю радостнаго событія. Окружныя юнкерскія школы упразднены. Курсь военныхъ училищъ теперь обширенъ, и офицеры младшихъ чиновъ обладаютъ болѣе солидными познаніями. Поднимается вопросъ о необходимости очистить армію отъ дряхлаго элемента. Къ сожалѣнію, медлятъ! А между тѣмъ крѣпко застѣвшіе въ штабъ-офицерскихъ чинахъ старички тормозятъ и заставляютъ въ томительномъ ожиданіи повышеі стариться въ свою очередь и низшій составъ офицеровъ. Полки—это своего рода богадѣльня для штабъ-офицеровъ безъ перспективъ въ будущемъ; они только заняты мыслью: „если бы дали дослужить еще столько-то годовъ“, до вычисленія предстоящаго по изгнаніи (предѣльный возрастъ) пансіона.

И вотъ такой старичекъ волею случая и латышскихъ революціонеровъ превратился въ раіоннаго, т. е. въ маленькаго генералъ-губернатора. Онъ, всю свою службу слѣпо только повиновавшійся командиру полка, не бывшій никогда самостоятельнымъ, дѣлается вдругъ „начальникомъ войскъ“ — положимъ, 2-хъ эскадроновъ и 5 ротъ, хотя-бы и миниатюрныхъ, но съ правами „начальника дивизіи“ по военному времени; ему подчиняется полиція двухъ уѣздовъ, онъ дѣлается нѣкоторымъ образомъ распорядителемъ судьбы крамольниковъ; за нимъ усиленно ухаживаютъ бароны и пр. и пр. Власть и крѣпкіе умы ослѣпляетъ! И нашъ раіонный преисполнился величія, сдѣлался необыкновенно требовательнымъ. Не будучи, впрочемъ, способнымъ ни на что-либо лучшее, онъ всю свою дѣятельность направилъ къ собранію матеріала для донесеній ген.-губернатору. По отношенію же къ своимъ новымъ обязанностямъ явилъ полную растерянность.

Послѣ 17 октября, когда великій манифестъ даровалъ разныя свободы, въ Курляндіи, какъ и вездѣ въ Россіи, насталъ полный хаосъ. Повсюду пошли манифестаціи разныхъ оттѣнковъ, митинги. Изъ Митавы посыпались приказы, постепенно все это ограничивающіе. Полиція и военные окончательно въ нихъ запутались, что можно позволять, что нужно запрещать, когда „разгонять“, когда „стрѣлять“ и даже „уничтожать“ „безъ предупрежденія“. Слѣдствіемъ этого явилось полное недоумѣніе населенія, а послѣ энергичные протесты. Авторитетъ полиціи изъ бароновъ, и такъ не важный, палъ окончательно. Здѣсь бы, казалось, начальникъ раіона могъ принести извѣстную пользу разумнымъ объясненіемъ. Но ничего этого не было, ни разу не была сдѣлана попытка внести успокоеніе.

И никто не объяснилъ населенію, что военное положеніе давало право это дѣлать на законномъ основаніи. *Dura lex, sed lex*. Не всѣ же уже латыши такъ охотно присоединялись къ возстанію;—несомнѣнно, многіе изъ нихъ воздержались бы отъ крайностей. Но что они видѣли со стороны законныхъ властей? Ни малѣйшей попытки пойти навстрѣчу ихъ нуждамъ, интересамъ. По укоренившимся понятіямъ усмирять—значить разогнать, перепоротъ и пр. въ этомъ духѣ. Ближайшіе наставники крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ — „комиссары по крестьянскимъ дѣламъ“ изъ бароновъ и графовъ въ критическую минуту совсѣмъ ихъ покинули. Комиссары не популярны, сами хорошо это знаютъ, да и, будучи нѣмцами, дворянами, они усвоили взглядъ своего сословія на мѣстное населеніе. Все это создавало благопріятныя условія для порожденія озлобленія, протеста, чѣмъ не преминула воспользоваться агитація; и даже по существу несклонныхъ мирныхъ жителей вербовала въ ряды революціи, прибѣгая то къ соблазнительнымъ посуламъ, то къ террору.

Въ одномъ отношеніи всѣ проявляли необыкновенную дѣятельность—въ писаніи. Писали дѣйствительно усердно. Былъ отданъ приказъ „по раіону“ доставлять въ двухъ экземплярахъ подробно обо всемъ, а по субботамъ представлять еще и недѣльный отчетъ (о томъ же!). Одинъ экземпляръ раіонный оставлялъ у себя на память, а другой „при надписи“ препровождалъ начальству. Злополучная полиція особенно много писала: доносила отдѣльно гражданскому губернатору, военному губернатору, начальнику раіона, сознавая къ тому же совершенную бесполезность послѣдняго—вѣдь, онъ являлъ изъ себя не болѣе, какъ передаточную инстанцію. Одинъ начальникъ раіона особенно былъ настойчивъ по части требованія всякихъ донесеній, загонялъ драгунскихъ лошадей, замучилъ подчиненныхъ. Онъ трепеталъ передъ своимъ митавскимъ патрономъ и хотѣлъ умиловить его обиліемъ пространныхъ телеграммъ и рапортовъ. Но такъ какъ лично по части изложенія мыслей на бумагѣ былъ весьма и весьма плохъ, то функціи эти у него исполняли или нижній чинъ-писарь, или кто-либо изъ подчиненныхъ офицеровъ, котораго ему удавалось заполонить. Раіонный старательно собиралъ „чернетки“ въ объемистое „дѣло“ и не безъ гордости иногда говорилъ, что у него „уже“ столько-то исходящихъ номеровъ, наивно вѣря, что количествомъ ихъ измѣряется полезная дѣловитость.

Между прочимъ это не помогло. Ген.-губернаторъ, не стѣсняясь, говорилъ (напр. предводителю дворянства), что „это худшій изъ начальниковъ раіоновъ“. Видѣлъ, значитъ, его неспособность, но долго держалъ на этомъ, могшемъ принести нѣкоторую пользу посту. Въ концѣ же все-таки вынужденъ былъ „устранить“.

Однажды изъ Митаты отъ начальника штаба получилась бумага, что „его превосх. ген.-губернаторъ ждетъ отъ васъ (раіоннаго) всесторонняго и подробнаго донесенія о положеніи дѣлъ во ввѣренныхъ вамъ уѣздахъ“. И это „ожиданіе“ произвело эффектъ разорвавшейся бомбы и повергло бѣдненькаго раіоннаго въ трепеть. Донесеніе неукоснительно должно было быть послано. Но что же это за „положеніе въ уѣздахъ“.

— „Я, Ей Богу, никакъ не могу понять, что онъ хочетъ! аккуратно, кажется, доношу о всѣхъ происшествіяхъ“. И требуемая бумага была состряпана, по обыкновенію, не раіоннымъ; составителю пришлось наскоро выуживать изъ „дѣла“ разныя свѣдѣнія за довольно продолжительное время и сдѣлать общее заключеніе „о положеніи“. Спѣшность работы и предварительная непосвященность отозвались, конечно, на вѣрности вывода. И отправленный рапортъ могъ ввести въ заблужденіе начальника края. А на такихъ донесеніяхъ виждалась вся система управленія! Начальникъ раіона приложилъ „чернетку“ и успокоился въ сознаніи исполненнаго долга.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

